

Хава-ля

Ренат БЕККИН

РОМАН

Хава

*Тот, кто не знает льва, может отнять у него овцу.
Сомалийская поговорка*

В детстве один папин друг привез мне из Эфиопии двух кукол — мальчика и девочку. На мальчике были казенные фиолетовые трусы, на девочке — коротенькое пестрое платьице, пластмассовые, как и ее нежно-баклажановое тело, бусы и незатейливая — того же цвета, что и платье, — косынка на голове.

Я быстро придумал им имена. Мальчика с нарисованными белой краской серьгами в ушах прозвал Томом — как обитателя хижины из романа Бичер-Стоу.

Девочку назвал Евой. Это ветхозаветное имя досталось моей диковинной кукле от девочки-армянки из нашей группы в детском саду. Детсадовская Ева была черная, почти как негритянка, и очень нравилась мне тогда.

Кукла Ева стала первой в моей жизни женщиной, которую я обнажил. Дерзко, не думая о последствиях и не испытывая ничего, кроме невероятного любопытства. Как и всякому нормальному ребенку, мне хотелось узнать, что скрывается под пестрым облачением необычной игрушки. Начал я с головы. Под платком оказалась обыкновенная вата... и совершенно лысая, круглая, как мой детский кулачок, голова. Я спросил у мамы: почему девочка лысая? Лысых мальчиков я видел, а вот девочек — еще нет.

— Потому что в Африке жарко, — отвечала мама.

— А почему тогда у мальчика волосики есть? — не отставал я, тыкая пальцем в ласковый мох кудряшек на голове Тома.

— Ну, значит, девочка болела, вот ее и подстригли. У нее, наверное, лишай был, — вмешался в разговор папа.

— А кто такой — лишай?

— Это если будешь киску незнакомую гладить — тоже заболеешь, и придется тебе тоже волосики сбрить, — сказал папа и ушел на работу.

Я испугался лишая, вообразив его кровожадным кусачим чудовищем, обитающим на кисках, но все-таки не бросил Еву. Под ее пестрым платьицем оказались трусы неопределенного цвета. То, что скрывали трусы, привело меня в некоторое замешательство — моя Ева ничем не отличалась от Тома, у которого напрочь отсутствовали первичные половые признаки. Кто же тогда врал: Петька, подглядывавший за девочками в туалете и утверждавший, что у них ТАМ «все по-другому», или дяденька-эфиоп, смастеривший Тома и Еву? Дяденька должен был лучше понимать в девочках, чем Петька.

Иллюстрации: Наталья ГВОЗДЕВА

¹ Спасибо вам, спасибо вам, джентльмен! Вы действительно спасли меня.

² Это было ужасно. Я думала, они съедят меня. Как вас зовут? (англ.)

³ Ренат. А вас? (англ.)

⁴ Хава (англ.)

⁵ Откуда вы? Из Эфиопии? (англ.)

С тех пор я долгое время думал, что чернокожие девочки ничем не отличаются от чернокожих мальчиков — разве что у них иногда не бывает волос... из-за общения с кошками.

Однажды летом меня отправили в пионерский лагерь. Мы переезжали на другую квартиру, и мое присутствие при этом значительном событии создавало бы только дополнительные неудобства для окружающих. Когда я вернулся, в бауле с игрушками, переехавшими из старой квартиры, отыскался только Том. Ева каким-то волшебным образом исчезла. Я взял несчастного эфиопа на руки: «Что же ты не уберечь свою девочку, дурачок?!» Том ничего не ответил, демонстрируя завидную выдержку. Я не стал давать ему пустые обещания, что непременно найду Еву. Мы оба были уже достаточно взрослыми, чтобы не верить в сказки.

Но сказки, как известно, иногда вторгаются в нашу жизнь, даже если мы упрямо не верим в них...

Не помню в точности, каким ветром меня тогда занесло в Казань. Полагаю, что причиной тому стала хандра. В конце июля, справив «четвертак», я затосковал и задумал сменить обстановку: на пару дней нагрянул к друзьям, давно не видевшим меня. Погостить, пошататься по этому самому счастливому населенному пункту в России, где все улыбается тебе, даже бомжи.

В тот день я не знал, чем себя занять. Накануне почти до утра мы играли в «Монополию». Проснулся я измученный, улетучившаяся ночью хандра вновь воротилась ко мне. В прежние времена из этого состояния меня выводил небольшой роман без продолжения. Но этот рецепт безвозвратно устарел. Оставалось надеяться на чудо.

Я нарочно нырнул в одну из малолюдных улочек в Старотатарской слободе, где практически не осталось жилых, или, правильнее сказать, живых домов: одни старые, полуразрушенные деревянные здания, сохранившие память о славных купеческих фамилиях. Я вразвалочку двигался по разбомбленной временем и людьми улице с мягким названием Сафьян, когда увидел, что стая собак окружила какую-то девушку в мусульманском платке. Еще издали я заключил, что она — нездешняя: местные девушки носят одноцветные платки, а у этой на голове было что-то цветастое с узорами — как у моей бесполой куклы Евы. Бог мой, так это же негритянка! Я ускорил шаг, на ходу придумывая, как спасти несчастную и не пострадать самому.

Силы были неравны. Шесть лохматых псов заливались хором, а перепуганная девушка только беспомощно поднимала и опускала руки, словно именно их она боялась потерять в неравной битве с распоясавшимися четвероногими бродягами. В правой руке, которую она держала значительно выше левой, был зажат пучок каких-то листьев.

Не придумав ничего дельного, я схватил средних размеров камень и запустил в собаку, которую принял за вожака, сопроводив это действие угрожающим криком. Псы, проклиная меня на своем собачьем языке, унеслись прочь.

Я подошел к девушке, на меня смотрело милое испуганное лицо цвета спелого каштана с большущими карими глазами. Слегка приподнятая губа обнажала верхние резцы — маленькие и пронзительно белые. Неизвестно, кто из нас был в тот момент больше удивлен: девушка — невероятному избавлению на вымершей улице, или я — не рассчитывавший одержать столь легкую победу над дикой собачьей сворой.

— Thank you, thank you, gentleman! You really saved my life,¹ — пробормотала она на безупречном английском. — It was terrible. I thought they could eat me. What's your name?²

В нашей английской гимназии, где я отучился пять лет, ей бы поставили «пять» за такое произношение.

— Renat. And yours?³

— Hawa⁴.

Хава?! По-русски Хава — это то же самое, что и Ева. Вот это да!

— Where are you from? Ethiopia?⁵

Ренат Беккин —

доктор экономических наук, профессор Казанского университета; главный редактор журнала «Витни».

— No, from Somaliland. It is the country near Ethiopia.¹

Хава рассказала, что приехала в Казань на Всемирный конгресс мусульманских женщин и сейчас шла из гостиницы, где их разместили, в отель «Казань», где проходил сам конгресс. Я вызвался проводить ее. Но только я начинал говорить о чем-то, как меня обрывали на полуслове бесцеремонные горожане, до того дня казавшиеся мне приветливыми и ласковыми. Все они, будто сговорившись, желали сфотографироваться с моей спутницей. Один из них — мужичонка лет сорока, подвыпивший, с трогательно-идиотическим выражением на лице — клялся, что никогда не видел «негритосок», и шлепнулся на колени, пытаясь поцеловать руку Хавы. Испугавшись его не меньше, чем собак, Хава отскочила в сторону, и мужичонка, потеряв равновесие, грохнулся лицом на каменную плитку тротуара. В руках его оказались несколько веточек из пучка, который прижимала к сердцу Хава. Я бросился поднимать лохматую голову мужичонки, оказавшуюся необычайно тяжелой, пока Хава, что-то тревожно бормоча на своем языке, выцарапывала из его упрямых пальцев свои листочки. Обратив ко мне окровавленную физиономию, мужичонка, глотая сопли, зарыдал:

— Суки вы! Жалко вам? Да? Жалко?!

— Чего жалко? Не видишь — мы спешим?

— Все спешат, никому до меня нет дела. — Мужичонка со всей дури треснул кулаком по стене дома, к которой я его с большим трудом оттащил, схватил меня за шею другой рукой и прошептал, закатив глаза и выдыхая мне в лицо ароматы своих низменных пристрастий: — Выпьешь со мной, дурачок?

— Нет, папаша, вы уж извините, но я — пас.

— Да что же это за день такой гребаный! — громче прежнего заголосил мужичонка, затем с неожиданным проворством поднялся с земли и, пошатываясь, поплелся прочь, напевая: «Ах, какая женщина, какая женщина...»

Я оглянулся по сторонам, отыскивая Хаву среди окруживших место происшествия зевак.

— Чернушку свою ищешь? — Голос принадлежал усатой старухе в коричневом дерматиновом пальто. — Уехала она. Взяла машину и уехала.

«Казанский собаковод»

*Если ты покажешь ребенку свои зубы — он покажет тебе свой зад.
Сомалийская поговорка*

Я присел у фонтана напротив театра Камала и принялся обдумывать свое непростое на первый взгляд положение. Довольно скоро ситуация показалась мне не столь трагичной, как в первые секунды, когда я узнал, что Хава самым банальным образом сбежала.

Во-первых, мне было в точности известно, где ее искать, а это уже полдела.

И, во-вторых, мне ли было роптать на судьбу — тому, кто меньше часа назад возопил о том, чтобы какое-нибудь невероятное приключение немедленно вывело его из удручающего состояния?

И тут я поймал себя на том, что даже не допускаю мысли не пойти за нею. Что-то подсказывало мне, что вся эта история, начавшаяся на улице Сафьян, — всего лишь первый шаг на пути к большому приключению.

Хава, не спросив моего дозволения, взялась тасовать колоду и сделала это так, что я очевидно проигрывал. А я не любил проигрывать — тем более тем, кто мне нравился. Скажу откровенно: я был уязвлен.

Была еще одна причина, побудившая меня последовать за Хавой. Я был из тех, кого называют «этническими» мусульманами, или мусульманами по рождению, — верующими, но не соблюдающими. Когда я начинал встречаться с девушками, я не интересовался, какой

они веры. Но я знал, что жениться мне мама позволит только на мусульманке. В последнее время я стал задумываться о женитьбе и потому стал активнее присматриваться к последовательницам Пророка.

Прежде я никогда не увлекался чернокожими красавицами. Но может быть, еще тогда, в детстве, когда мне подарили Тома и Еву, была предreshена моя судьба...

Минут через тридцать я уже стоял перед столиком, над которым висел плакат: «1-й Всемирный конгресс мусульманских женщин». Под плакатом сидели две девушки. Одна — рыжая, другая — блондинка.

— Меня интересует мадемуазель Хава из Сомали... Сомалиленда. Я — журналист из газеты «Казанский собаковод», хотел бы взять у нее интервью на тему «Жизнь казанских собак глазами сомалийской женщины».

— Что-то я не знаю такой газеты, — недоверчиво сказала блондинка. — У меня шарпей дома живет. Трехлетка. Вы про шарпеев пишете?

— В основном про них и пишем, — сказал я. — Если вы любезно оставите свой номер, мы напишем о вашем шарпее небольшое, с позволения сказать, эссе. Так что там насчет мадемуазель Хавы?

— Да она в зале, я видела ее, — сказала рыжая, надув губки, как только блондинка завела речь о шарпее. — Я сейчас схожу за ней.

Я последовал за ней и нарочно укрылся за дверью, которая вела в зал, чтобы лишиться Хаву пути к отступлению. Вскоре она действительно вышла из зала в сопровождении рыжей, шурша своим пестрым одеянием.

— Ой, а где же журналист? Только что здесь был... — Рыжая не успела закончить эту фразу, как я образовался у них с Хавой с тыла с букетом белых лилий, купленных мною по пути в «Казань».

Хава закрыла кулачком рот и засмеялась. Но я успел поймать взглядом розовый кончик ее язычка.

«Неужели у африканцев розовые языки? — подумал я. — Странно, никогда не обращал раньше внимания».

— Куда же вы исчезли? — спросил я с серьезным лицом по-английски.

— Я спешила на конференцию...

— Но я же шел туда вместе с вами!

— Да... но этот мужчина... Это мерзкое чудовище. Я думала, это ваш друг, и не хотела вам мешать.

— Он такой же мой друг, как те собаки, что напали на вас некоторое время назад. Я сначала тоже принял их за ваших друзей. Но потом что-то подсказало мне, что если это и ваши друзья, то вам крайне неприятно их общество, — не удержался я.

— Вы веселый человек, — вновь улыбнулась Хава. — И еще самый настоящий обманщик. Мне сказали, что пришел журналист из собачьего журнала.

— С вами иначе пропадешь. Это, кстати, — вам, вы, кажется, очень любите цветы. — Я протянул ей букет.

— Да, люблю. Спасибо, мне давно никто не дарил цветов.

— Странно, но мне показалось, во время нашей прошлой встречи у вас был в руках какой-то букетик.

— Ну... может быть. Я уже не помню...

— Понимаю, — ответил я, а сам подумал: «Что же ты тогда у того мужичонки чуть пальцы не оторвала?» — Когда мы сможем увидаться?

— Не знаю. Вечером я уезжаю.

— Как?! Уже сегодня? Во сколько заканчивается ваш конгресс?

— В пять.

— О'кей, тогда в пять я буду ждать вас здесь, и не вздумайте никуда сбежать!

¹ Нет, из Сомалиленда. Это страна недалеко от Эфиопии (англ.)

За десять минут до назначенного времени я уже находился в «Казани». От конгресса не осталось и следа: плакат успели свернуть, на столе валялись ошметки бумаги и пара рыжих волосков. Так я и знал!

— Не скажете, давно здесь конгресс закончился? — спросил я администратора отеля.

— Полчаса назад. Все уже разошлись, — отвечал администратор. — Простите, а вы случайно не Ренат?.. Вам тут оставили сообщение.

Я поспешно выхватил у него из рук сложенный вдвое листок бумаги с крупными буквами на английском. Вот дословный перевод:

«Дорогой Ренат! Наверное, ты опять будешь злиться, что я обманула тебя. Но здесь нет ни грамма моей вины. Конференция кончилась раньше, и нас сразу увезли на концерт какой-то группы бабушек, которые поют песни на языке... я не помню, как он называется. На нем говорят здесь, в Казани. Оттуда нас повезут в аэропорт. А сейчас мы едем в отель за вещами.

Не думай, что я избегаю общения с тобой. Ты очень понравился мне. Настоящий джентльмен. Сейчас среди мужчин так мало джентльменов. Много таких, как то омерзительное чудовище, которое мы повстречали по дороге.

А еще ты такой смелый. До сих пор у меня все тело дрожит, когда я вспоминаю, как ты закричал на собак. Как павиан — вожак стаи. Я, честно говоря, больше испугалась не собак, а твоего крика. Я даже немного обмочилась — так жутко стало. Поэтому я так спешила. Мне нужно было вернуться в мой отель, а потом я поехала на конференцию. Вот тебе мой маленький секрет.

Очень надеюсь увидеться с тобой. Приезжай в Харгейсу. Это столица Сомалиленда (не путай с Сомали!). Мой e-mail: hawa-zebra@nabad.org. А это мой номер: +253216665.

Пиши. До встречи. Хава».

Когда я дочитал письмо, какая-то сила в тот же миг толкнула меня чем-то тяжелым, но вместе с тем нежно-мягким в грудь, и я опрокинулся на стоявший рядом диван. Все это свершилось с такой легкостью, словно я был не восьмидесятикилограммовым мужчиной, а невесомым колибри, подкинутым порывом ветра. Я прижал письмо Хавы к глазам и счастливо засмеялся. Колода находилась в моих руках, а стало быть, исход игры теперь во многом зависел от меня...

Профессор Пальцев

*Свою палку давай только тому, у кого ты сможешь ее отнять.
Сомалийская поговорка*

Московское лето невыносимо. Похотливо-потливое, оно сдавливает тебя, застигнутого врасплох, не успевшего улизнуть на море или на дачу, в своих нежно-влажных объятиях, врываясь в твои раздувшиеся, как у загнанного коня, ноздри букетом тошнотворных городских ароматов. Мысль, уставшая работать, придумывает для себя задачи попроще и приятнее.

Доказано, что ничто так не преображает и не отвлекает человека от низменного и приземленного, как любовь и важное дело. Теперь у меня было и то и другое. С момента возвращения в Москву меня не отпускала мысль: каким образом добыть средства для поездки в Сомалиленд? На следующий день в ответ на свое SMS я получил от Хавы ответ: «Я дома, слава Аллаху! Жду тебя в Харгейсе». С этого мгновения я уже не сомневался, ехать мне в Харгейсу или нет.

Еще в поезде, по дороге в столицу, я подсчитал, сколько денег мне понадобится, чтобы достичь Харгейсы и вернуться обратно. Получившиеся цифры вызвали тревогу и состояние, сходное с тем, которое испытывают хорошо повеселившиеся в ресторане по случаю закрытия сессии студенты, когда официант хладнокровно приносит им счет.

Даже если предположить, что в самом Сомалиленде я буду спать под открытым небом и перейду на подножный корм, добывая себе пищу своими молодыми хищными руками, выходило, что поездка обойдется мне не меньше, чем в восемьдесят тысяч. Сумасшедшие деньги, и все это — в основном расходы на перелет.

Я взял листок бумаги и, вооружившись реализмом, стал изучать все варианты изыскания средств. Вспомнилась поговорка: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей». В студенческие годы мы нередко одалживались друг у друга до стипухи. Долг в срок возвращали редко, тем более — без напоминаний и угроз. Но теперь многие из моих бывших однокашников стали не в пример мне хорошо зарабатывать. Это значит, что получить деньги в долг будет проще.

Я сразу решил, что лучше не просить всю сумму сразу, а частями: по несколько тысяч у каждого. Чтобы не тратить время попусту, я начал писать «ВКонтакте» всем, кто был у меня в друзьях и имел в моих глазах высокий финансовый рейтинг. Из списка потенциальных кредиторов я исключил женщин, несовершеннолетних и пожилых.

Начать решил с Васи Хромова. У него был свой маленький бизнес — салон красоты. Каждый год несколько сотен девушек добровольно сжигали свое тело за собственные деньги, а Вася богател, ездил на Бали, на Мальдивы, где его нежнокожая жена Нинка пряталась от солнца под огромным зонтом, обмазанная дорогими солнцезащитными кремами. Недавно он купил новую квартиру, большую трехкомнатную, в самом центре.

Полдня я выжидал, когда Вася появится онлайн. Деликатные разговоры лучше вести в прямом эфире, чтобы не дать собеседнику возможности проигнорировать адресованное ему послание.

Я: — Привет, Вась, как у тебя дела?

Вася SuperBoss: — Супер! Как сам?

Я: — Что-то давно не виделись... надо встретиться.

Вася SuperBoss: — Супер! Давай!

Пауза.

Я: — Вась, а ты бы не одолжил мне денег?

Пауза.

Вася SuperBoss: — Сколько?

Я: — Тыщ восемьдесят.

Вася SuperBoss: — Ой!

Я: — Нет, мне столько сразу от тебя не надо! Хотя бы тыщ пять дай. Я сразу верну. Осенью.

Вася SuperBoss: — Не-е, братан, я не могу сейчас. Сорри! У меня ипотека. Надо долг погашать, мы тут еще ремонт затеяли... Ты к Мишке обратись. Он тебе обязательно даст.

Я написал еще нескольким своим друзьям, в том числе Мишке. Но каждый раз слышал от них что-то похожее на Васин ответ. Словно это были не разные люди с неодинаковыми возможностями, непохожей судьбой и несовпадающими взглядами на жизнь, а кто-то один, коварный и безжалостный, устроившийся по ту сторону монитора, лупил по клавишам за всех моих друзей бескомпромиссное «нет».

Один напомнил мне про прогнозируемый экспертами кризис, считая это серьезным основанием для того, чтобы убить нашу дружбу. Другой, не устаивая меня вразумительным ответом, бросал ссылку на выложенные в его альбомах фотографии какого-то младенца, долго и занудно растолковывал, сколько сил и, главное, денег отнимает содержание ребенка. Всякий раз, получив отказ, я удалял «обидчика» из списка друзей.

Нет, если так дальше пойдет дело, я лишусь даже тех, кто мне по-настоящему дорог. Я запретил себе беспокоить самых дорогих для меня людей, чтобы не разочароваться. Потом все будут говорить, что я, мелочный циник, отрекся от друзей из-за денег.

Может быть, оффлайн люди милосерднее? Не так легко отказать человеку, когда он сидит перед тобой, живой, с грустными глазами? Я стал вспоминать тех из своих друзей и

знакомых, к кому теоретически и практически можно было обратиться с вопросом о деньгах, и осознал, что единственным таким человеком был Ленька Колосов. Мне было хорошо известно, что денег у Леньки не водилось, но, в отличие от меня, он знал, как добывать их.

Мы встретились в чебуречной.

— Ленька, у меня к тебе дело. Мне нужны деньги.

— Не вопрос. Сколько? — Леня потянулся за бумажником.

— Нет, ты меня не понял. Мне нужно много, восемьдесят тысяч.

— Да, столько у меня нет. Но рублей пятьсот я тебе прям сейчас могу дать.

— Спасибо, Ленька! Ты настоящий друг. Но это не спасет меня. Подскажи, где мне достать восемьдесят тысяч? Срочно, за один месяц или пораньше. Я уже спросил, у кого мог из знакомых. Все отказали, суки.

Несколько минут Ленька молчал. Я не тревожил его. Я любил его за то, что он не задавал лишних вопросов: Ленька и в самом деле даже не спросил, зачем мне нужны деньги.

— Ну, что я могу сказать, — наконец произнес он. — Дело серьезное, но небезнадежное. Какие у нас варианты? Самый простой — продать почку, но я даже не предлагаю это, зная, что ты не согласишься. Не знаю, на что тебе такие деньжищи, но у тебя бы тогда еще осталось немного на реабилитацию.

Я замахал руками. Я мечтал увидеть Хаву, но лишиться почки не хотел.

— Продолжаем. Что у нас еще? — Леня придирчиво оглядел меня с ног до головы. — Ты можешь стать любовником богатой женщины...

— Леня!

— Или мужчины...

— Леня!

— Хорошо. Этот вариант отпадает. Тогда... тогда... Возьми кредит!

— Леня, я думал, ты что-нибудь более умное скажешь. Про кредит я и без тебя знаю. Только кто же мне его даст.

— А ты пробовал? Может, и дадут. Им ведь не важно, сможешь ты вернуть деньги в срок или нет. Им даже лучше, если ты задолжаешь. Знаешь, почему? Да потому, что тогда ты будешь должен им еще больше — со всеми ихними штрафами и неустойками. А деньги они с тебя все равно сдерут, даже если бы тебе пришлось продать почку.

— Леня, задрал ты с этой почкой!

— Выбери банк похуже, помельче, посерее, пожаднее и попокастнее, — продолжал Ленька, не обращая внимания на мои слова. — Есть у тебя такой банк на примете? Напрягай извилины!

— Вспомнил! У меня через дорогу есть банк. Называется «Святополк».

— Сказочное название! Что-то подсказывает мне, что это как раз то, что тебе нужно. Держи меня в курсе...

Признаться, я никогда особо не доверял банкирам, почитая их за сущих злодеев, и обращаясь в эти учреждения за деньгами я считал делом бессмысленным и глупым. Если какой-нибудь материальный объект манил меня и требовал, чтобы я непременно здесь и сейчас его приобрел, я заглядывал в свой кошелек и строго говорил себе: «Терпи, Ренат, и скоро тебе самому не захочется этого». Но с Хавой был особый случай. Я не мог сказать себе, что это пройдет, потому что я ни за что не хотел, чтобы моя любовь к Хаве прошла. В том, что это была любовь, я окончательно уверовал в поезде, когда Хава привиделась мне во сне беременной. От меня. Не знаю, как кто другой, а я верю в сны, особенно — если они мне нравятся...

На входе в банк меня встретила одетая в строгую юбку-макси девушка с длинной, похожей на накладную, косой.

— Добро пожаловать, гость дорогой, — сказала она и картинно поклонилась мне в пояс. — По какому вопросу пожаловали, добрый молодец? — нараспев произнесла девушка, лебедушкой проплывая вокруг меня.

— Я за деньгами пришел, — ответил я, немного замешкавшись. Мне стало вдруг совестно говорить с такой поэтической натурой о материальных ценностях.

— За своими?

— Нет, к сожалению, за вашими, — отшутился я, не переставая крутить головой вслед за движениями «лебедушки».

— Значит, вы за кредитом? — пропела «лебедушка» и поплыла в сторону терминала.

— Да, — выговорил я, чувствуя, что начинаю потеть.

«Лебедушка» выдала мне талон, поклонилась в пояс и велела дожидаться очереди. Одухотворенный, я приземлился на диван. Рядом со мной о чем-то горячо спорила немолодая пара.

— Ты что, дуралей старый, здесь проценты маленькие, — говорила маленькая, совсем усохшая старуха, тыча пальцем с длинным грязным ногтем в буклет банка, который держал в руке лохматый краснолицый дед в выцветшей военной рубашке и тренировочных штанах.

— Зато надежно и снять можно в любой момент, — неуверенно возразил дед.

— Инфляция больше, чем их сраные проценты, — не сдавалась старуха.

— Зато банк надежный. Наш, православный. Смотри, какие вежливые тут девочки. — Дед указал рукой за угол, где осталась «лебедушка».

— Я тебе дам девочек, старый козел!

В конце концов экономический расчет победил, и старики остались дожидаться своей очереди — каждый глядя в свою сторону.

Сейчас еще одна «лебедушка» с косой до пят подхватит своими нежными лапками стариковские деньги, поклонится в пояс и выдаст их мне. Но уже на совершенно других условиях. Таковы законы рынка.

Я ошибся: в кабинке для заемщиков меня ждала уже не «лебедушка», а мужчина средних лет, в косоворотке, с большой ухоженной рыжеватой бородой и косматыми бровями. На столе у него стояло внушительных размеров распятие, а за спиной висела большая икона Богоматери — рядом с портретом премьер-министра.

— Милости просим, сударь, присаживайтесь, пожалуйста. С какой целью пожаловали?

— Хочу получить кредит на поездку.

— Поездка — это дело достойное, особенно для молодых людей, — бодро отвечал бородач. — Ибо сказано в Писании: «Истинно, истинно говорю тебе: когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел; а когда состаришься, то прострешь руки свои, и другой препояшет тебя и поведет, куда не хочешь». Так куда, вы говорите, вам нужны деньги?

— А что, мне надо обязательно сказать вам об этом?

— А как же! Это в ваших интересах, сударь. — Бородач раскрыл лежавшую подле него на столе карту, на которой все страны были обозначены четырьмя цветами. — Наш банк проводит гибкую политику в работе с заемщиками. Наше вознаграждение за кредит зависит прежде всего от двух моментов: в какую страну вы едете и с какой целью едете. Как видите, у нас здесь четыре вида стран: православные (мы отмечаем их желтым цветом), отступнические, они обозначены у нас черным цветом, агарянские — они у нас серые и, наконец, идолопоклоннические, помеченные фиолетовым. Кредит на поездку в православную страну — разумеется, самый дешевый. Самый дорогой — в отступнические страны. Вы сами-то в какую из этих стран направляетесь?

— По вашей классификации — в агарянскую. В Сомалиленд.

— Наверное, миссионерствовать едете? — сочувственно улыбнулся бородач.

— То есть?

— Сейчас поясню. Дело в том, что если вы с миссионерскими целями путешествуете, то это ускоряет процесс рассмотрения вашей заявки на получение кредита. Кроме того,

для этой категории клиентов, которую мы условно называем «миссионерской», у нас существует скидка.

— Нет, миссионерствовать я не еду. Я — по личному вопросу.

Бородач замолчал. Похоже, моя ситуация не вписывалась в кредитную схему банка «Святополк».

— Но вы же православный? — неожиданно спросил он.

— Да нет вроде, — отвечал я.

— А кто? Хотя, впрочем, не говорите, я догадался. — На лице бородача появилось осмысленное выражение. Система мироздания, существовавшая в его мозгу, была восстановлена. — Я вас, наверное, огорчу, но кредитный комитет скорее всего отрицательно ответит на вашу заявку на получение кредита.

— Почему?

— Потому что вы оттуда можете не вернуться, и с кого нам тогда долг взыскивать?

— Как не вернуться?! У меня мать тут, друзья...

— Там опасно.

— А если бы я проповедовать поехал? Что, менее опасно было бы?

— Тогда бы вас хранил Господь, — невозмутимо отвечал бородач.

— Он и так меня хранит. По крайней мере, я в это верю.

— Вы же не православный. Значит, не хранит...

Я прошел мимо стоявшей у входа «лебедушки», но та даже не взглянула на меня. Правду говорят, что женщины не любят неудачников.

Вечером мне позвонил Ленька.

— Ну что, как твой банк?

— А ты как думаешь, советник вождя?!

— Отказали?... Ну, не расстраивайся. Я тебе как раз звоню. У меня такая идея. На сто миллионов!

— Мне и ста тысяч хватит! Только по банкам я больше ходить не буду.

— Да фиг с ними, с банками! Тебе надо устроиться в Институт африканистики на работу. Они тебя пошлют в Африку в командировку. Бесплатно!

— Прямо так сразу и пошлют?

— А вдруг и сразу. Ты попробуй. Им тоже молодежь нужна. Одни старики сидят. Ты же не ради зарплаты туда идешь, а ради поездки. Это твой шанс, дурила!

На следующий день я отправился в Институт африканистики, на прием к директору — Владимиру Васильевичу Пореву. Это был бодрый, сладко улыбающийся высокий старик, от которого пахло мокрыми еловыми шишками и водкой.

— Вы правы, одни старики остались, — согласился Владимир Васильевич с моим тезисом об омоложении кадров в науке. — Молодежь калачом не заманить сейчас в институты, им деньги большие подавай. Вот мы, старики, идохнем здесь, как мухи в банке из-под варенья. Варенья уже на донышке осталось, а выбраться невозможно: крышка сверху.

— Так, значит, у меня есть шанс? — обрадовался я.

— Да, шанс, вне всякого сомнения, есть, но, как в том анекдоте, вам придется подождать, пока кто-нибудь из наших не умрет. — Вторую часть фразы Владимир Васильевич произнес шепотом, после чего громко заржал, шваркнув обеими ладонями по столу. — Оставьте свой телефон, мой секретарь позвонит вам, как только откроется вакансия. Сами понимаете, пожилые люди — всю жизнь в науке, не могу я их сократить, грех такой, понимаете, на душу взять. Сам уже не мальчик. Режьте меня, стреляйте — не могу!

Вышел я из института совсем грустный. Номер телефона своего я, конечно, оставил, но перспектива на чемоданах любви ждать смерти какого-нибудь ветхого профессора меня не вдохновляла.

Остановившись у пруда, я залюбовался двумя обитавшими здесь лебедями. Справа от меня на скамейке сидел дородный, пучеглазый господин в фиолетовом пальто. На голо-

ве его торчала тирольская шляпа. Он неторопливо пил кефир из стеклянной бутылки — точь-в-точь такой, которые навсегда остались в моем детстве, вместе с авоськами и жвачками с малиновым, апельсиновым и мятным вкусом. Закусывал пучеглазый батон, который держал в правой руке.

— Присаживайтесь, молодой человек, — произнес он, заметив, что я, как замороженный, уже несколько минут пытливо разглядываю его.

— Спасибо. — Я присел на краешек скамейки.

— Что ищете, молодой человек?

— Счастье.

— Так что его искать? Люди не понимают своего счастья, а оно рядом. Вот что вам нужно для счастья?

Не знаю отчего, только тогда мне, после всех мытарств с поиском денег, жутко хотелось выговориться, и я открыл странному незнакомцу то, что всеми правдами и неправдами скрывал от самых близких друзей. Так откровенничает со случайными попутчиками в поезде, чтобы потом, выпорхнув на станции прибытия, с облегченной душой навсегда забыть своего избавителя.

— Слушайте, да вас мне просто Бог послал, — всплеснул руками пучеглазый господин, выслушав с заметным волнением мой рассказ. — Позвольте представиться: профессор Пальцев. — Он приподнял над головой свою тирольскую шляпу и обнажил совершенно лысую голову.

— Очень приятно. — В ответ я, не имевший головного убора, привстал. — Ренат Беккин.

— Я имею честь служить в том институте, куда вы только что безуспешно пытались устроиться.

— Правда?!

— Суцая правда. Вы знаете, может, и правильно, что этот сукин сын Порев не взял вас в институт. Вам это и незачем. Вам ведь к любимой своей шоколадке хочется? Так для этого не нужно ждать, когда кто-нибудь из моих собратьев прикажет долго жить. Есть более гуманный способ оказаться в вашем Сомалиленде.

— Какой? Ковер-самолет?

— Бросьте: ковры-самолеты давно вышли из моды! Все гораздо серьезнее. Я тут грант в прошлом году получил. По неформальным денежным переводам. Хавалья — слышали, может быть?

— Нет, не слышал.

— Ну, не суть. Грант на изучение этой самой хавали. По нему непременно нужно съездить в одну европейскую и в одну африканскую страну. В Европу я, с Божьей помощью, и без вас съездил, а вот на Африку здоровья не хватило. Захворал я. Хотел аспиранта своего отправить, Семенова, но передумал: жирно ему будет, бездельнику, пусть сначала первую главу диссертации мне принесет. И вообще как-то не нравится мне этот Семенов в последнее время... Так что, вы согласны?

— А я могу поехать по этому гранту в Сомалиленд? — осторожно поинтересовался я.

— Да хоть завтра. Я вам на днях выдам деньги на поездку. Сто тысяч. Этого должно хватить. Вы распишетесь, и дальше — все в ваших руках.

В тот же вечер я написал Хаве e-mail: «Wait for me, honey! See you soon», — что можно перевести как: «Жди меня, сладкая! Скоро увидимся»...

На следующий день, счастливый, я выглянул в окно, чтобы определить, какая погода на улице, и обнаружил, что около офиса «Святополка» стоит милицейский автозак. Мне не пришлось долго ждать, чтобы увидеть, как из-за двери поочередно выходят на белый свет «лебедушка», косматый господин и еще много других женщин и мужчин, одетых подобно персонажам спектакля по пьесе Островского.

В тот же день несколькими часами позднее в Интернете появилась новость: «В связи с нарушением законодательства Российской Федерации о противодействии отмыванию до-

ходов, полученных преступным путем, отозвана лицензия у банка «Святополк». Руководство банка, а также рядовые сотрудники кредитной организации, непосредственно принимавшие участие в противозаконных операциях, арестованы. Прокуратура проводит расследование».

Посол из Зюзино

*Если разбрелись верблюды — не беда, беда — если разбрелись души.
Сомалийская пословица*

До самого последнего мгновения я не позволял себе поверить в то, что чудаковатый профессор у пруда — не мираж, выдуманный моим влюбленным сердцем. Я позвонил профессору Пальцеву на следующий день и, наверное, нисколько бы не изумился, если бы мне сообщили, что такого человека просто не существует в природе. Но мне отвечал знакомый, похожий на урчание сытого пса голос: «Слушаю, молодой человек».

Мы условились увидеться там же, у пруда. Профессор опоздал на пятнадцать минут. Чего только ни нафантазировал я за это время. Неужели я все-таки стал жертвой циничного розыгрыша? Ленька? Только он, старый КВНщик, мог придумать эту комедию с «профессором». Где он только откопал такого колоритного господина?

Я написал ему SMSку: «Не смешно, дурак!»

Ленька сразу же перезвонил и зашипел в трубку: «Почему дурак?»

— Потому что у тебя шутки дурацкие.

— Мне сейчас не до шуток. Я на похоронах, — отвечал Ленька.

Значит, все-таки не Ленька. Кто же тогда? Но я не успел придумать ответ — возле меня приземлился профессор с раскрасневшимся лицом, в фетровой шляпе и коричневого цвета костюме не по фигуре.

— Извините, что заставил ждать, — проговорил он, отдышавшись. — Начнем с главного. Пальцев достал из своего коричневого дипломата два чистых листа бумаги. — Пишите: «Я, такой-сякой, паспорт номер такой-то, взял у профессора Пальцева Николая Платоновича, паспорт номер... вот вам паспорт, списывайте... у профессора Пальцева... сто тысяч рублей — прописью». Далее — подпись... Так, это еще не все... — Профессор извлек из своего дипломата папку с бумагами. — Это вам, молодой человек. Здесь некоторые материалы и мои статьи разных лет: о хавале, Сомалиленде. Вам следует с этим ознакомиться. Лучше перед поездкой. Там вам не до этого будет... А теперь получите свои сто тысяч. Пересчитайте.

— Зачем? Я вам верю.

— Зато я себе не верю. Пересчитайте, говорю вам! Может, я вам лишние сунул.

Я пересчитал: все верно.

— Ну, вот и славно. Так, что еще?.. Держите меня в курсе. Сообщите, когда билеты возьмете и, самое главное, когда вернетесь. И помните: вы не прохладиться туда едете. В идеале мне нужно, чтобы вы написали и опубликовали по итогам вашей командировки пару статей. Но это не обязательно делать одному. Главное: соберите побольше материала о хавале. А я уже сделаю из этого произведение искусства.

Я поблагодарил профессора и, ликуя, поспешил домой — писать счастливое письмо Хаве, где сообщал ей, что с завтрашнего дня начинаю заниматься подготовкой своей поездки. В поэтичном созвучии имени моей возлюбленной и цели моей командировки я видел добрый знак...

Для любого путешественника, предпочитающего странствовать на чужбине, все страны в мире подразделяются на визовые и безвизовые. Я долго не мог определиться, к какой из этих двух категорий надлежит отнести оставленный Богом Сомалиленд. Логика подсказывала мне, что для подобного рода государственных образований было бы чистейшим безумством отказываться от возможности пополнить свой бюджет за счет визовых

сборов. Однако информация, которую я почерпнул в Интернете, свидетельствовала, что для россиян вся территория Сомали является безвизовой. Эти заверения прозвучали из уст господина Хандуле — посла Сомали в России. Назвать его Чрезвычайным и Полномочным у корреспондента, видимо, язык не повернулся — какие полномочия могли быть у посла не существовавшего более двадцати пяти лет государства, хоть он и говорил уверенно о «всей территории Сомали»? Быть может, по совместительству господин Хандуле выполнял и работу представителя Сомалиленда в России — раз уж непризнанным государствам не положено иметь дипломатических миссий?..

Добыть контакты посольства Сомали в Интернете оказалось непростой задачей. Ни один из номеров, обнаруженных мною в «паутине», не отвечал. Неужели теперь, когда я, раздобыв деньги, мысленно пребывал уже в Харгейсе, такое недоразумение, как невозможность дозвониться до посольства, могло разрушить все мои планы?!

В отчаянии я набрал телефон справочной МИДа, и уже через пять минут счастливее меня на Земле не было человека. Заветный номер был у меня в блокнотике.

— Здравствуйте, — почти сразу ответил бархатистый голос с африканским акцентом.

— Это посольство Сомали? Я бы хотел получить визу.

— Зачем?

— Чтобы поехать в Сомалиленд... Извините, Сомали.

— А вы кто, простите?

— Прошу прощения, забыл представиться. Меня зовут Ренат Беккин... Я коллега профессора Пальцева из Института африканистики.

— Вы в этом уверены?

— В чем именно?

— В том, что вы коллега профессора... как его там...

— Абсолютно.

— Хорошо, тогда приходите завтра в десять утра.

Похоже на плохой шпионский детектив. Он что, решил устроить мне проверку? С кем я вообще разговаривал?..

Посольство Сомали располагалось в одной из многоэтажек в районе Зюзино: само посольство занимало двухкомнатную квартиру на первом этаже, а жилище посла, как потом оказалось, находилось этажом выше.

Господин Хандуле представлял страну, исчезнувшую с карты мира в один год с Советским Союзом. Но это обстоятельство, похоже, нисколько не смущало этого высокого, элегантного джентльмена в сером в полоску костюме, отворившего мне дверь. Коротко стриженные, почти полностью поседевшие волосы, умные, излучающие интерес к собеседнику глаза делали его похожим на какого-нибудь афроамериканского профессора.

Я рассказал господину Хандуле о цели своей научной командировки, умолчав о подлинных причинах, заставивших меня, позабыв обо всех заботах, срочно ехать в Сомалиленд. С каждым произносимым мною словом я видел, как в глазах Хандуле появляется что-то похожее на тихую радость.

— Не обижайтесь, что я так говорил с вами по телефону. Знаете, нам разные люди звонят. Значит, вы хотите ехать в Сомалиленд изучать хавало?

— Так точно.

— Сомалиленд — это, конечно, хорошо, но чтобы иметь полное представление о Сомали и о хавале, я бы советовал вам поехать еще в Пунтленд и в Могадишо. — С этими словами господин посол торжественно извлек из ящика стола старую, но хорошо сохранившуюся карту, на которой вместо государственных границ была отмечена территория расселения сомалийских племен.

На карте этой, помимо собственно земель единого когда-то Сомали, присутствовало крохотное Джибути, а также жирные куски соседних Кении и Эфиопии, в том числе знаме-

нитый район Огаден, послуживший причиной эфиопско-сомалийской войны 1977–1978 годов. Война эта, ныне почти забытая за пределами региона, во многом может послужить инструментом понимания нынешнего бедственного положения Сомали.

Летом 1960 года бывшее Итальянское Сомали (Сомалия) и Британский Сомалиленд с разницей в несколько дней получили наконец заслуженную независимость и устремились в объятия друг друга, создав на почве взаимного притяжения единое государство со столицей в Могадишо. Многие жители Сомали тогда всем сердцем верили, что это только начало, первый важный шаг на пути объединения всех сомалийцев в одно государство. Члены Законодательной Ассамблеи Сомалиленда так волновались, что собрались на день раньше запланированного — 27 июня, — для того чтобы единогласно проголосовать за закон об объединении Сомалиленда и Сомали — бывшей подопечной территории ООН под управлением Италии.

До 1960-го сомалийские племена компактно проживали в Британском, Итальянском и Французском Сомали, в эфиопской провинции Огаден и на северо-востоке Кении. Логика теоретиков идеи «Великого Сомали» была проста: если удалось объединиться британской и итальянской частям Сомали, то что мешает расширить границы этого союза за счет других земель, населенных сомалийцами? Не случайно на флаге Сомалийской Республики на синем фоне изображена белая пятиконечная звезда. Каждый из углов звезды символизирует земли, населенные сомалийцами: собственно Сомали, бывший Британский Сомалиленд, часть территории Эфиопии, Кении и Джибути.

Оставалось лишь запастись терпением и дожидаться, когда колонизаторы — англичане и французы — соберут свои вещи и уберутся домой, из Кении и Французского Сомали соответственно. Поначалу намерений вернуть «исконные сомалийские территории» военным путем не было: сомалийское руководство верило в мирный исход дела, рассчитывая на солидарность и энтузиазм земляков по ту сторону границы.

В 1963 году прозвучал первый звонок: независимость получила Кения. Сомалийцы уже приготовили белые рубашки и закололи самых жирных коз, ожидая праздника по случаю воссоединения с земляками. Но верные принципу «Разделяй и властвуй», опытные колонизаторы-британцы не отдали Сомали северо-восточные земли, населенные сомалийцами. Надежды наивных кочевников не оправдались, белые рубашки пришлось убрать в плетеные корзины до лучших времен, а жирных коз, давась скупыми мужскими слезами, есть самим. Пораскинув мозгами, сомалийцы решили в следующем году поиграть мускулами и вторглись в северо-восточный район Кении. Однако эта попытка потерпела фиаско. Британцы навестили уши: они готовы были воспользоваться любой возможностью вернуться в этот один из наиболее комфортных для проживания белого человека уголков на Земле. От попыток присоединить территорию Кении, населенную сомалийцами, сторонникам идеи «Великого Сомали» пришлось отказаться.

Французы, как назло, также ни за что не хотели оставлять Джибути, страдая его обитателей непомерными аппетитами южного соседа. За два года до независимости Сомали, в 1958-м, во Французском Сомали был проведен референдум, на который был вынесен вопрос: желают ли жители остаться под властью Франции или соединиться с Сомали, дата независимости которого была уже определена. Большинство населения проголосовало за Францию. Говорят, на том референдуме не обошлось без подтасовок и злоупотреблений. Свободу Джибути французы дали только в 1977-м. Тогда у власти в Сомали находился диктатор Сиад Барре, увлекшийся идеями научного социализма. В такой ситуации у сомалийцев, проживавших в Джибути, не было большого желания стать частью соцлагеря.

Таким образом, единственной доступной мишенью для Сомали, у которого никак не получалось сделаться Великим, оставалась та самая провинция Огаден в Эфиопии.

В феврале 1964 года сомалийские войска попытались с наскока захватить Огаден, но попытка эта позорно провалилась, как и в случае с Кенией. Поднаторевшие в многовеко-

вых боях с иноземными захватчиками, эфиопы гнали обнаглевших сомалийцев до границы. Следующего удачного момента пришлось ждать тринадцать лет. Теперь противником была не тысячелетняя монархия негусов, а ослабленная голодом и гражданской войной республика, глава которой подполковник Менгисту Хайле Мариам занимался построением социализма и планомерным уничтожением собственного народа. Последнее, впрочем, удавалось ему гораздо лучше, чем первое. Неудивительно, что на фоне Менгисту, уморившего в годы своего правления почти три миллиона человек, президент Сомали генерал-майор Сиад Барре был божьим одуванчиком. Любой мыслящий человек на месте Барре и вообразить не мог, что СССР поддержит не его, буквально с первых дней прихода к власти ориентировавшегося на идеи научного социализма, а метавшегося между американцами, китайцами и русскими подполковника, устроившего у себя в стране 37-й год.

Воспользовавшись внутренними проблемами Эфиопии, в частности войной с сепаратистами в Эритрее, подвластные Могадишо повстанческие формирования вместе с регулярными частями армии Сомали вторглись в Огаден в июле 1977 года. В короткие сроки им удалось захватить 90% территории провинции.

Ставки для Сиада Барре в Огаденской войне были предельно высоки. Если бы ему удалось удержать захваченный им Огаден, он вошел бы в историю Сомали как подлинный, а не самопровозглашенный Отец нации. В случае проигрыша его ждал жестокий конфуз. Последнее и случилось. Красиво начатая и бездарно законченная война дорого обошлась не только самому Барре, но и Сомали. По окончании войны усилились сепаратистские настроения на севере, в бывшем Британском Сомалиленде. Северяне довольно скоро разочаровались в проекте «Великого Сомали». Начавшаяся в начале 1980-х гражданская война привела к краху государства и изгнанию диктатора.

Последствия этой войны до сих пор сказываются на судьбе страны. Историческая память делает Эфиопию менее всего заинтересованной в объединении Сомали. Кто поручится, что собирание осколков сомалийской государственности не приведет к возрождению проекта «Великого Сомали» и объединению всех сомалийских племен, в том числе тех, что живут в Эфиопии?..

Из разговора с Хандуле я довольно быстро уяснил, что передо мной — последовательный сторонник единства Сомалийского государства, и потому мой чрезмерный интерес к сепаратистскому образованию на севере может расстроить господина посла. Я поспешил сделать вид, что заинтересовался его предложением посетить другие уголки его страны.

— А там не опасно? — осторожно поинтересовался я.

— Не опаснее, чем в России. Не верьте телевизору! — уверенно сказал Хандуле, который не был в Сомали с тех пор, как государство развалилось на части, как старая калоша, отданная на растерзание рассерженным псам.

— Но ведь там сейчас идет война, — возразил я.

— Не волнуйтесь, у вас будет охрана.

— И в Сомалиленде тоже?

— Нет, в Сомалиленде охрана вам не понадобится. Сомалиленд — самое безопасное место на Земле.

Я закрыл глаза и представил себя идущим за руку с Хавой по одной из улиц Харгейсы...

— Не беспокойтесь ни о чем, — прервал мои размышления Хандуле, по-видимому, расценив мою задумчивость как колебание. — Я организую вашу поездку. Вы будете довольны.

— А что насчет визы? — встрепенулся я. — Я прочитал в Интернете, что россиянам не нужна виза в Сомали.

— Виза нужна, но для россиян она бесплатна. Это моя позиция. Запомните это. Приходите через день, я дам вам визу в Сомали, но вы никому не показывайте ее в Сомалиленде, а то они будут обижаться, — предупредил меня господин Хандуле.

— Хорошо, никому не покажу. А в Сомалиленд нужна виза?

— Нужна. Я тоже подготовлю ее вам к следующему разу или пришлю по почте.

Напоследок Хандуле дал мне координаты своего старинного друга Саида. Тридцать лет назад два молодых марксиста из Сомали, расстроенные извращением социалистических идей у себя на родине, тайком приехали в социалистический Южный Йемен и прямоком обратились в посольство СССР с просьбой предоставить им возможность учиться в стране развитого социализма. Вскоре друзья были приглашены в Союз. Здесь их пути разошлись: Саид отправился учиться журналистике в Ленинград, а Хандуле получил направление в МГУ на философский факультет. Потом будущий Его Превосходительство женился на украинке и остался в России, а Саид вернулся назад. С тех пор Хандуле ни разу не был в Сомали. Он не был кадровым дипломатом, но стал послом своей страны как самый достойный из десяти сомалийцев, проживавших на тот момент в России.

Родственники Хандуле остались на севере, но путь туда послу Сомали был заказан. Человека с имперским мышлением, хранящего в столе карту расселения сомалийских племен, по-видимому, не очень рады были видеть в гордом и независимом Сомалиленде...

— Это были лучшие годы в нашей жизни, — сказал господин Хандуле, завершая свой рассказ о той, их совместной с Саидом, поездке в Советский Союз. — Саид — хороший человек. Вы убедитесь в этом.

По глазам Хандуле я понял, что он жутко завидует мне. Я обещал ему привезти сувенир с родины...

Царица Савская

*За то, чтобы знать что-то наверняка, не жаль отдать и верблюдицу.
Сомалийская поговорка*

Через сутки ровно в десять утра я снова был в посольстве.

Господин Хандуле выдал мне визу Сомали — длинную портянку в форме анкеты, которую мне пришлось подробно заполнять еще в прошлый раз. Теперь на этой визе стояла печать посольства и подпись Его Превосходительства.

— Не показывайте ее никому в Сомалиленде, пожалуйста, — напомнил свое пожелание господин посол.

— Конечно, — отозвался я, разглядывая визу. У меня было большое подозрение, что и в самом Сомали ее некому будет показывать. Если, конечно, я вообще туда соберусь.

— Вы еще не заказали билет в Харгейсу?

— Нет еще, не успел.

— Хорошо. В таком случае я вам советую побывать в Дубае. Если вы не увидите, как работает хавала в Дубае, считайте, что ваша командировка прошла зря, — категорично заявил господин Хандуле.

Дубай совершенно не входил в мои планы, мне хотелось как можно скорее добраться до конечной цели моего путешествия, не отвлекаясь на другие города и страны. Но выбора у меня все равно не было: прямых рейсов из Москвы в Харгейсу не существовало, и мой путь к сердцу любимой лежал либо через Дубай, либо через Каир. В Каире мне уже приходилось бывать, а в Дубае — еще нет. Так почему бы не задержаться в Дубае на денек — тем более, если этого требуют интересы науки?..

Господин Хандуле позвонил при мне одному сомалийцу, проживавшему в Эмиратах, и тот обещал сводить меня в логово хавалядаров — компаний, занимающихся хавалей.

— Заплатите ему сто долларов. Его зовут Хасан, — сказал господин Хандуле.

— Хорошо, — ответил я. Интересно, как к этому отнесется бухгалтерия института? Но не стал произносить свои мысли вслух, чтобы не обидеть господина посла своей мелочностью...

Пока я возился с билетами, делал прививку от желтой лихорадки и ездил на другой конец города за мефлохином — профилактическим средством от малярии, — прошло несколько дней. Беглый взгляд на календарь ужаснул меня. Как я мог забыть о визе в Эмираты! Я набрал в Интернете: «Срочная виза в ОАЭ» и тотчас же позвонил в первую высветившуюся в поисковике турфирму.

— Здравствуйте, мне срочно нужна виза в Эмираты.

— Когда вы планируете ехать?

— В следующую пятницу, двадцать четвертого.

— Так меньше недели осталось. Что же вы так поздно позвонили? Стандартный срок — пять дней. Если завтра мы сдаем все документы, у нас формально пять дней есть, но сюда попадает пятница — выходной в Эмиратах. Однако попытаться можно. Срочно приходите с паспортом и фотографиями. Вам еще отель надо забронировать.

Я примчался в офис. Мы недолго выбирали мое временное пристанище в Дубае. Им оказался отель с названием «Литтл Тадж Махал».

— Спасибо, а как с визой поступим?

— Будем надеяться, что все получится. Зайдите послезавтра. Мы дадим вам бумагу из посольства Эмиратов, что ваши документы на визу приняты. Звоните каждый день, спрашивайте, не стесняйтесь. Меня зовут Анна Ивановна.

И я звонил. Каждый день утром задавал один и тот же вопрос: «Ну как, готова моя виза?» — и получал один и тот же ответ: «Пока нет, не волнуйтесь, еще есть время».

Наступил день вылета, пятница. В 9.00 я позвонил Анне Ивановне.

— Ну как, готова моя виза?

— Пока нет. Сегодня же у них выходной.

— Но я сегодня улетаю!

— Да, я знаю. Летите спокойно. Сегодня ровно пять дней прошло, как мы сдали документы на ускоренную визу. По-нормальному, ее должны были сделать вчера вечером.

— А есть вероятность того, что ее не сделали?

— Есть, конечно, — охотно согласилась Анна Ивановна. — Но я бы на вашем месте все равно летела. Так у вас хотя бы есть шанс, а если вы не полетите, то все потеряете. Как говорится, либо пан, либо пропал. Вам это надо? Даже если визу не дали — перекантуетесь в аэропорту. Это не так страшно. У нас был уже такой случай с одним клиентом. Возьмите с собой еды побольше... Вы не волнуйтесь, девяносто процентов, что вам выдадут визу в аэропорту. Летите с Богом. Счастливого пути!

И я полетел, с Богом в сердце и тревожными мыслями в голове. Те десять процентов вероятности, что я не получу визу, не давали мне покоя. Все, что у меня было, — это листок, на котором указывалось, что я такого-то числа сдал документы на визу.

Теперь вместо того чтобы сладко спать, я буду гадать весь полет: попаду я в Дубай или нет. Оставалось надеяться на интересного попутчика, который отвлек бы меня от этих томительных тревог. И Всевышний услышал меня.

Только я пристроил свой рюкзак в багажное отделение над головой и занял свое кресло, как услышал за спиной гнусавый голос: «Вы позволите мне пройти к окошку?»

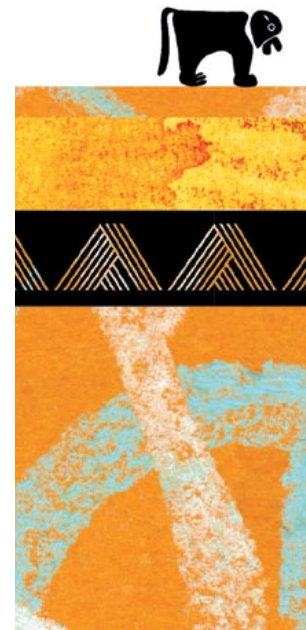
Я обернулся и увидел светловолосого парня в очках, с небольшими усиками.

Мы еще не взлетели, а мой попутчик, представившийся Женей, стал засыпать меня вопросами. Узнав, что я еду в научную командировку, он схватил меня за руку и долго тряс ее, бессмысленно улыбаясь.

— Как же это здорово! Значит, мы с вами коллеги. Я в Йемен лечу. А вы куда направляетесь, если не секрет?

— Не секрет. В Сомалиленд, — отвечал я.

— Ух ты, — еще более обрадовался Женя. — Этот тот самый, который на севере?.. Простите за любопытство — все-таки не каждый день встречаешь человека, который едет в Сомали... простите, Сомалиленд. Так что вы едете изучать?

— Хавалю.

— Ага, это та, с которой американцы борются и которую никак побороть не могут?

— Она самая, только хавалю слишком упрощают те, кто в этом ничего не понимает. —

И я с радостью поведал своему попутчику все, что к тому времени успел узнать о хавале из бумаг профессора Пальцева...

Хавалю была известна людям, имевшим дело с деньгами, со стародавних времен. У каждого народа, обладавшего этим незаменимым финансовым инструментом, придумано для него свое особое имя: поэтичное у китайцев — фей цян (буквально: «летучие деньги»), у индийцев — хунди, и, наконец, у арабов — собственно хавалю. В наши дни под хавалей понимается неформальная система денежных переводов, где требуется минимум документации, минимум времени на осуществление операции по переводу средств из пункта А в пункт Б и минимум средств, выплачиваемых в качестве вознаграждения за эту услугу.

Многие народы претендуют на то, чтобы считаться изобретателями хавали. Пока больше всего шансов у обитателей Южной Азии. Известно, что система, схожая с хавалей, существовала на территории Индостана более 7000 лет назад. Но более всего хавалю прославилась под этим своим арабским именем на мусульманском Востоке.

Хавалю еще в доисламские времена применялась для упрощения расчетов между сторонами, выступая средством перевода долга от одного лица к другому. При этом хавалю могла использоваться и как часть какого-либо договора (к примеру, договора купли-продажи), и как самостоятельный инструмент. Например, лицо А (первоначальный должник) должно было лицу В (кредитору) определенную сумму. В свою очередь, лицо С являлось должником лица А. При использовании такого инструмента, как хавалю, лицо А предписывало лицу С погасить долг не перед ним, а перед лицом В (кредитором). В то же время лицо А оказывалось свободным от уплаты долга перед лицом В.

Хавалю также находила применение как средство платежа в договоре купли-продажи. Например, лицо, выступавшее покупателем по указанному договору, могло расплатиться с продавцом посредством составления хавали. Таким образом, покупатель получал товар, а продавец приобретал право требования к третьему лицу, вытекавшее из хавали...

— Необычайно интересно, — сказал Женя, когда я закончил свой рассказ. — Бьюсь об заклад, диссертацию пишете? Чувствуется научный штиль изложения в ваших словах.

— Пока не планировал, но в будущем — может быть. А вы?..

Женя словно только и ждал этого вопроса. Картинно отвернувшись к окну, он некоторое время молчал. Потом повернулся ко мне и тихо произнес:

— Писал, но уже не пишу... И не буду писать!

— Это еще почему?

— Да так. Долгая история.

— Ну, если только дело во времени, то его у нас предостаточно. Или вам неприятно говорить? Может, я вас сейчас послушаю и тоже не стану писать диссертацию.

— Это вы зря. Писать, конечно, надо. Только осторожно, потому что написать диссертацию мало, важно ее защитить. Может, моя история и поможет вам не повторить моих ошибок... С самого детства меня интересовала история древних царств, особенно тех, о которых упоминается в Библии. Помните, в Библии, в Третьей книге Царств, рассказывается о царице Савской — неземной красоты женщине, в которую был влюблен царь Соломон?

— Да, что-то припоминаю.

— Вот я и решил, еще когда студентом был, что обязательно буду писать научную работу про нее, царицу. Поступил я в аспирантуру в питерский университет к Борису Михайловичу Павловскому, специалисту по Южной Аравии. Добрый такой старик был. Все меня йеменским кофе угощал. Пока варит, вспоминает свою молодость в Йемене... Так вот, поступил я в

аспирантуру и взял тему «Социально-экономический уклад городов Южной Аравии в эпоху царицы Савской». У меня там целая глава была посвящена опровержению мифов, возникших с библейских времен о царице. Не всем нравилась моя тема. Некоторые сотрудники кафедры косо смотрели на меня. Борис Михайлович как чувствовал, говорил мне: «Защищайся, пока я жив, а то потом сожрут тебя вместе с твоей царицей Савской мои разлюбленные коллеги». Но пока я возился с диссером, собирал материал, хотел, чтобы все в наилучшем виде было, Борис Михайлович незабвенный наш преставился. И назначили мне другого научрука, Аккордеонова. Принес я ему диссертацию. Он посмотрел и сказал: «Мне очень жаль, молодой человек, но такую работу я как ваш научный руководитель принять не могу». Я спрашиваю: «Это еще почему?» «А потому что не было никакой царицы Савской, — отвечает. — Сказки все это, легенды». — «Как же так? Стало быть, и царя Соломона не было?» — спрашиваю. «Нет, — говорит, — царь Соломон, безусловно, был, а вот царицы Савской не было».

— И что произошло дальше?

— Да ничего не произошло. Ушел я и не приходил больше к нему.

— А зачем вы тогда в Йемен едете?

— Как зачем?! — воскликнул Женя. — Искать ее следы, царицыны. Вот найду, приеду в университет и ткну этому Аккордеонову в нос артефактом: накось выкуси! Не было царицы Савской!..

Когда мы выходили из самолета, я пожал ему руку.

— Желаю вам найти вашу царицу.

— Спасибо. Желаю и вам не оплошать с вашей хавалей...

Я был рад этому случайному знакомству. Благодаря таким простодушным энтузиастам, как Женя, жива еще гуманитарная наука. Мне стало совестно, что я, назвавшись исследователем, отправился решать свои личные проблемы...

Впереди меня ждала длинная сонная очередь людей, приехавших позагорать и покупаться. Я посмотрел на часы. Вот и закончился тот самый пятый день, когда должна быть готова моя виза. Вот только это была пятница — выходной.

С каждым шагом я чувствовал, что ноги мои не слушаются меня. Страх провести почти сутки в аэропорту оказался ничем по сравнению с угрозой зависнуть здесь на пару недель.

Я заглянул в окошко, заискивающе улыбаясь, поздоровался с полным мужчиной в галабее: «Ас-саламу алейкум ва рахмат Аллахи ва баракатух»¹, — и протянул свой паспорт с вложенной в него бумажкой из посольства. Когда-то я посещал курсы арабского языка при медресе, предполагая не столько выучить язык, сколько подыскать себе невесту, но ничего из этой затеи не вышло.

— Ва алейкум ас-салам, йа ахи², — услышал я в ответ.

Неплохое начало. Человек с печатью что-то смотрит в компьютере. Легкий хлопок печати — и мой паспорт возвращается ко мне, сопровождаемый ласковым «Мархаба!»³

Я распахнул свой паспорт, не веря тому, что только что произошло.

— Альхамду лиЛля⁴, — сказал я так громко, что все, кто находился поблизости, пробудились. Наверное, если бы Женя встретил живьем самоё царицу Савскую, он не испытал бы столько эмоций, сколько испытал я, увидев в своем паспорте треугольную эмиратскую визу.

Я поймал первое подвернувшееся такси и, не торгуясь, велел водителю ехать до отеля.

Один день в Дубае

*Кто слишком приветлив, тот либо нищий, либо мулла,
либо слуга, либо лгун.
Сомалийская поговорка*

Казалось бы, что делить двум чужестранцам, осевшим в незнакомом городе в надежде обрести счастье или что-то похожее на него, но проходит время, и у них непременно

¹ Мир вам, милость Аллаха и Его благословение (араб.)

² И вам мир, брат (араб.)

³ Добро пожаловать! (араб.)

⁴ Слава Аллаху (араб.)

отыщется повод для ссоры, во время которой один в запале выкрикнет другому: «Понаехали тут». В странах, заселенных мигрантами со всех концов Земли, невыносимо смешно и обидно слышать подобные речения из уст таких искателей счастья.

О том, что мой водитель — египтянин, я сразу догадался по выдавшей виды наклейке на лобовом стекле с изображением египетского флага. Я показал ему распечатку с названием и адресом отеля.

— А-а, это индийский отель. Знаю, — протянул таксист и добавил: — Не люблю индийцев.

— Отчего ж?

— Да злые они и подлые, как гиены. Посмотрите, какие у них глаза. Злые, даже если они улыбаются вам. И вообще, зря вы в этот отель едете.

— Почему?

— Да так, — сказал водитель и криво усмехнулся.

Я покинул машину, растерянный и задумчивый. Что он имел в виду?

...От ударившего в нос запаха индийских ароматических палочек приятно закружилась голова, невыносимо захотелось нежности и любви.

На ресепшн меня встретил портье — невысокого роста усатый человек в европейском костюме, с двойным подбородком и очень смуглой кожей. Первым делом я посмотрел в его глаза. Вроде злые, а вроде — нет. Да и какое это имеет значение, когда на часах три ночи по местному времени?!

— Здравствуйте, я забронировал у вас номер. Моя фамилия Беккин.

— Мистер... Беккин, добро пожаловать! Вот ваш ключ. Вы первый раз у нас? К вашим услугам бассейн на крыше отеля с двенадцати дня до семи вечера. Приятного отдыха!

Утром, еще не успев толком проснуться, почесываясь — кем-то во сне укушенный или ужаленный, — я набрал номер Хасана, который, если верить словам господина Хандуле, должен был сводить меня по местным хаваладарам.

— Ас-салям алейкум, Хасан, это я, Ренат из Москвы, — сказал я по-арабски. — Я здесь, в Дубае.

— Ва алейкум ас-салям. Какой Ренат?

— Вам господин Хандуле по поводу меня звонил?

— Ах да! Хандуле. Но я не в Дубае сейчас.

— Но я завтра уезжаю! Хандуле же предупреждал вас!

— Я понимаю. Я сегодня приеду. После трех, иншаалла¹...

Самым неожиданным образом на меня обрушились несколько часов свободного времени. Может, оно и к лучшему. Через два или три часа у них закроются все офисы на сиесту, а во второй половине дня начнется настоящая жизнь.

Только сейчас мне пришло в голову, что я не выкупил билет до Харгейсы. Надеяться на то, что офис компании в аэропорту будет работать утром, я не стал. К счастью, я захватил с собой распечатку с адресами офисов Daallo Airlines. На ресепшн меня обрадовали, что один из них находится всего километрах в двух от нашего отеля — он располагался на набережной залива Крик, разделяющего город на две части: Бур Дубай и Дейру.

В офисе было несколько сотрудников. Один из них, тот, что был немногим старше меня, выписал мне билет и пожелал счастливого пути.

Прежде чем уйти, я не удержался и спросил его:

— Вы такой молодой и, наверное, помогаете родным в Сомали?

— Конечно, — ответил парень.

— А... как бы это сказать... не сочтите за любопытство. Вы деньги через хавалю отправляете? Мне просто это интересно, я исследователь.

— Нет, передаем с бортпроводниками. Мы же работаем в Daallo. Без всякой комиссии и даже быстрее, чем хавалья.

— Ах да, я и не подумал. Спасибо.

¹ Вам понравится это, мистер (англ.)

² Извините, мистер, вам нужно что-нибудь еще? Я могу принести вам это. Сок, коктейли или что-нибудь еще (искаж. англ.)

Вот и все, проще простого. Старая добрая оказия. Сколько раз подобным же образом некоторые мои сокурсники получали деньги от родных. Обычно прибавку к стипендии передавали с тем, кто ехал в Москву, или поездом, с проводником. Проводник получал от отправления небольшое вознаграждение, но это было лучше, чем связываться с банками и денежными переводами.

Я постоял некоторое время на набережной Крика и понял, что немедленно хочу погрузиться в воду... Не очень чистый канал никоим образом не подходил для этих целей, а ловить такси до Залива после разорительной ночной поездки до отеля показалось мне сущим баловством. Не сильно напрягая мой не готовый к тому, чтобы столь часто принимать важные решения, мозг, я вообразил, как в небольшом бассейне отеля плещется человек сто...

Но мои опасения оказались напрасными. Все пространство в бассейне и подле него было пустым, если не считать пластикового стула, на котором сидел худосочный индеец неопределенного возраста, облаченный, как и все сотрудники отеля, в белую рубашку. При моем появлении он вскочил и, подобострастно улыбаясь, склонился в приветствии.

Единственно, с чем я угадал, — так это с размерами водоема. На глаз: три на три метра.

— You like it mister, welcome¹, — шептал индеец, забегаая передо мной и указывая рукой на бассейн. Вот у этого глаза преданные, но злые. Не зря говорят, что навязчивая вежливость хуже ненавязчивой глупости.

Я бросил полотенце на пластиковый лежак и, не давая себе размышлять, полез в воду.

Надо мной рабски изогнулся индеец.

— Sorry, mister, do you need something else? I can bring it to you. Juice, cocktails or something else². — Это «something else» звучало просто-таки чудовищно.

— Нет, друг, скажи-ка мне лучше, откуда ты и как тебя звать? — отвечал я ему, стараясь спародировать его хинглиш.

— Из Кералы. Меня зовут Гопал.

— Мусульманин?

— Нет, индуист.

— У тебя есть семья?

— У меня нет семьи... — Гопал опустил глаза.

— Ты гей? — Гопал молчал.

— Я спрашиваю: ты гей?

— Немного, мистер...

— Что значит — немного? — изумился я. — Либо — гей, либо — нет.

— Я только в мечтах, мистер! — застонал Гопал. — Только в мечтах! Здесь нельзя этим заниматься. Опасно. Можно лишиться работы и даже жизни.

— Понимаю. Может, это и хорошо. Чтобы неповадно было... У тебя есть родные в Индии?

— Да, у меня есть мать.

— Ты ей помогаешь?

— Немного, мистер.

— Как?

— Отправляю деньги.

— Передаешь с кем-то или через «Вестерн Юнион»?

— Нет, у нас хозяин отеля имеет дополнительный бизнес — денежные переводы.

— Хунди? — перебил я его, рассчитывая блеснуть эрудицией.

Гопал удивленно посмотрел на меня.

— Нет, его зовут Бадринат. Господин Бадринат.

— Хавалья?

— Да, хавалья, — заулыбался индеец, но как-то совсем по-иному, чем прежде: искренне, по-настоящему. Он уже не видел перед собой «белого мистера», приехавшего потратить

¹ Если будет угодно Аллаху (араб.)

деньги и отдохнуть, я был для него тем человеком издалека, который, быть может, впервые за много лет проявил к нему живой интерес.

Я вылез из бассейна и улегся на один из трех стоявших у кромки воды лежаков. Гопал вернулся на место. Я закрыл глаза и пролежал так минут десять, пока не почувствовал, что солнце больше не ласкает меня. Я открыл глаза и увидел, что между мною и солнцем возник Гопал. Он стоял и молча смотрел на меня. Как-то странно, без улыбки. Физиономия его свидетельствовала о напряжении, охватившем его.

— Что такое?

— Мистер, простите, вы спрашивали, гей ли я? Мне прийти к вам в номер? — взволнованно, без тени улыбки затараторил Гопал. — Я сейчас не могу, у меня смена. Я освобожусь после 18.00. У меня будет полчаса. Иначе потом...

— Иди к черту! — закричал я и для убедительности вскочил с лежака.

Гопал отпрянул и засеменил к выходу. Я поспешил за ним.

— Mister, please don't tell anybody about it. Please! — Более жалкого человека на всей Земле в тот момент сложно было вообразить.

Я продолжал надвигаться на Гопала, пока тот не исчез в лифте...

Хасан ожидал меня у входа. Долговязый, в мешковатых брюках то ли бежевого, то ли светло-коричневого цвета. Мы поздоровались, и я молча последовал за ним по не успешшим остыть от полуденной жары улицам.

— Расскажите, что бы вы хотели узнать, — спросил он меня, когда мы отшагали целый квартал.

— Я бы хотел посмотреть, как работает хавала в Дубае. Здесь живет большая сомалийская диаспора. Многие отправляют денежные переводы на родину. Хотелось бы пообщаться с хозяевами фирм, занимающихся хавалей, с офисными служащими. С отправителями переводов.

— Понял. Мы зайдем в три компании. Сейчас мы идем в офис одной из крупнейших компаний, занимающихся хавалей. Она называется «Амаль».

Офис, разместившийся на последнем этаже трехэтажного здания, напоминал отделение почты тех времен, когда я был еще совсем маленьким и не мог складно произнести слово «Почта». У прилавка сидело двое молодых людей — сомалийцев.

Хасан сказал им что-то, и те как по команде уставились на меня. Затем один из них что-то коротко ответил Хасану.

— Он говорит, что у них нет ничего особенного. Все так же, как и в обычной системе денежных переводов... Ну что, пойдём? — последнюю фразу Хасан прибавил уже от себя.

— Стоп! Неужели у них нет никаких особенностей? — не сдавался я. — Спросите их.

— Мы работаем по местному законодательству. Наше единственное отличие состоит в том, что мы работаем для сомалийцев. Мы — то же самое, что и «Вестерн Юнион», только для сомалийцев.

— Хорошо, а можно взять какие-нибудь образцы документов? Скажите им, что я — исследователь.

В ответ мне сказали, что сделать этого, к сожалению, нельзя, начальства сейчас уже нет. Но можно прийти завтра.

— Это меня совсем не устраивает, — сказал я Хасану. — Мне нужно собрать информацию о хаваледарах Дубая сегодня.

— Я понимаю вас, но они не доверяют чужим, ведут себя осторожно.

В следующем офисе произошло то же самое — с той лишь разницей, что нас с Хасаном угостили чаем по-сомалийски — с прянощами и молоком. Мне предложили посидеть и наблюдать за работой сотрудников.

Ждать пришлось недолго. Вскоре появился клиент, он достал сто долларов, показал пластиковую карточку — удостоверение личности, подписал какие-то бумаги и вышел, до-

¹ Мистер, пожалуйста, никому не говорите об этом! Пожалуйста! (англ.)

вольный, похрустывая костяшками пальцев. Вся операция отняла минут пять, не больше. Через некоторое время появился еще один клиент... Он проделал то же самое и ушел еще более счастливый, чем предыдущий посетитель.

Мне стало скучно. В такие моменты я могу сильно и надолго затосковать, если на выручку не явится свежая интересная мысль. В этот раз мне повезло. Мысль явилась. Прекрасная и неожиданная. Я подошел к болтавшему о чем-то с земляками Хасану.

— Хасан, я вам должен сто долларов, так? Давайте я отдам вам эти деньги не в руки, а переведу их через эту компанию?

Хасан задумался, гадая, не кроется ли здесь какой-нибудь подвох.

— А кто заплатит комиссию? — быстро спросил он.

— Я.

Больше всего моя идея понравилась сотрудникам офиса. Они в четыре руки принялись оформлять перевод. Я передал в руки одному из них сто долларов, пока другой, забрав мой паспорт, заполнял нужные бумаги.

— С вас два доллара комиссии.

После того как я расписался, что отправил указанную сумму, Хасану дали похожий бланк, на котором ему следовало поставить подпись, что он получил перевод. Вслед за тем ему передали и сами деньги.

— Теперь я сам убедился, что сомалийская хавала — самая быстрая система денежных переводов в мире, — сказал я Хасану и, не дав ему перевести мои слова, увлек его за собой, прихватив на память бланки. Пальцев будет доволен!

В третий офис я решил не идти. Картина была и без того ясна. Мои случайные беседы с индийцем-гомосексуалистом и менеджером Daallo дали мне больше информации, чем визиты к местным хаваледарам.

Я попрощался с Хасаном и пошел к себе в отель. Ночью у меня был вылет, и я надеялся по-человечески поспать хотя бы несколько часов.

Когда я наконец заставил себя улечься в постель, кто-то требовательно постучал в номер. Кто там еще? Неужели Гопал?!

На пороге стояла какая-то полная девушка восточной наружности с большим, похожим на тарелку лицом.

— Добрый вечер. Не спите? — произнесла она по-казахски, и я почему-то понял ее, хотя нисколько не знал этого языка.

— Как видите, нет, — холодно отвечал я по-русски.

— Ой, простите, — сказала она по-русски и громко, по-пьяному, засмеялась. — Вы не казах случайно?

— Да. То есть нет...

— Отлично. Мы просто день рождения празднуем. Приходите.

— Спасибо, конечно, но я спать уже ложусь. Мне завтра рано вставать.

— Фу! Какой же вы скучный, мужчина. Загляните ненадолго на огонек.

— Хорошо, я подумаю. Дайте штаны надеть.

— Ну, это совсем не обязательно, — сказала казашка и, гогоча, просунула руку в дверь, не давая мне ее затворить.

— Нет, вы все-таки позвольте. — Я навалился на дверь.

...Той ночью я так и не уснул. То мне мерещилось, что Гопал, набравшись смелости, вскрывал украденным на ресепшн ключом мой номер и, тяжело дыша, крался ко мне, то слышался стук в дверь и истошные вопли на казахском. То кто-то начинал жужжать над моим ухом, и я, подумав о москитах, включал свет и нервно осматривал помещение. Потом я вспомнил, что малярийных комаров в Дубае нет, и снова ложился на кровать.

Все-таки прав был тот египтянин-таксист. Никогда больше не буду останавливаться в индийских отелях...

[Окончание следует]

